

ЛЕВ БРАНДТ

Пират

ПАЛЪМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЪСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 0

УДК 82-93
ББК 84(2Рос-Рус)6
Б87

Брандт Л.

Б87 Пират : [повести и рассказы] / Лев Брандт. — М.; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2020. — 229 с. — (Серия «Пальмира — природа»).

ISBN 978-5-517-01769-7

В повести Льва Брандта «Пират» описана судьба волка, воспитанного домашней собакой. Он самый верный сын своей приемной матери, он лучший охотник в собачьей стае, он же и волк. И порой жить с ним опасно. В издание также вошли другие произведения автора: «Фаина» — о материнстве, «Беркуты» — о свободе, «Остров Серафимы» — рассказ о любви двух лебедей и их жертвенности, «Белый турман» — о голубе.

УДК 82-93
ББК 84(2Рос-Рус)6

© Брандт Л. В., наследники, 2020
© Оформление.
АО «Т8 Издательские
Технологии», 2020

ISBN 978-5-517-01769-7

ОСТРОВ СЕРАФИМЫ

Два человека с ружьями в руках пристально смотрели в воду. Они стояли как замороженные, не разговаривая и не шевелясь. Один из них, плотный, лет сорока, очень румяный, пучеглазый, был доктор, городской человек, впервые приехавший на это озеро.

Он стоял на крохотном островке в устье небольшого заливы, забравшись на кучу сухого камыша.

Другой, тоже лет сорока, худой и высокий, был служащий заповедника — Чадов. Русая редкая борода не старила его, а удлиненные синие глаза придавали скуластому лицу его отпечаток женственности.

У самого берега, за кустами еще не распустившейся черемухи и лозняка, виднелся небольшой домик, носивший название поста № 5. В этом домике уже много лет одиноко жил Чадов. Он изучал привычки водоплавающих птиц и охранял их от браконьеров и хищников.

Чадов стоял недалеко от доктора на берегу заливы, как в воде выше колен.

В небе уже давно началась весна, и оно, голубое до синевы, высокое и чистое, повисло над землей.

Внизу, на земле, весна в этом году запоздала. Но теперь она старалась наверстать потерянное. Озеро еще

два дня назад было плотно покрыто льдом, а сегодня оно так переполнено водой, что издали кажется выпуклым. Синее небо отражается в воде, а от этого озеро выглядит еще шире и глубже, как опрокинутое небо. По воде плывут одинокие тучи, так похожие на льдины, еще кое-где уцелевшие, что сразу их трудно различить.

Доктору казалось, что остров под его ногами повис между бездонным, прозрачным небом и бездонным, прозрачным озером и медленно движется навстречу плывущим тучам.

От этого движения крохотного острова в необъятном пространстве сжималось сердце, как на качелях, и кружилась голова. Доктор жмурился и смотрел на берег.

Там стоял, окруженный водой, неподвижный, как пень, Чадов. Он ни разу не шелохнулся и ни разу не оторвал глаз от воды. Доктор с удивлением и завистью смотрел на него. Но вот Чадов сделал едва уловимое движение и осторожно, не торопясь, поднял к плечу двустволку.

Доктор заметил, что плавающая невдалеке от Чадова льдина медленно задвигалась, как живая, и от нее кругами зарябила вода. Потом волнение усилилось и стало приближаться к берегу. Доктор разглядел большое темное полено метра в полтора длины. Вокруг этого полена суетились и терлись с полдесятка щук. Они бестолково во все стороны толкали полено, во много раз превосходившее их размером: некоторые от усердия даже перекатывались через него, сверкая на солнце пятнистыми боками.

Полено двигалось медленно и постепенно приближалось к Чадову.

Он стоял с двустволкой у плеча и ждал. Когда странная процессия приблизилась шагов на двадцать, он выстрелил разом из обоих стволов.

Полено прыгнуло в сторону, как от толчка, и медленно повернулось, выставив из воды молочно-белый живот.

Чадов еще глубже забрался в воду и поднял поле-но — толстую, переполненную икрой щуку.

Выстрел нарушил тишину. Совсем рядом с охотниками поднялась, свистя крыльями, стайка чирков, а в ближайших полузатопленных кустах кто-то громко захлопал крыльями; потом кусты зашевелились и на озеро выплыл лебедь.

Чадов увидел лебедя, повернулся к берегу и торопливо побежал из воды.

Заметив удивление на лице доктора, он улыбнулся и крикнул:

— Беда мне с ней. Зазеваешься — обрызгает. Переезжайте, доктор. Чаю попьем.

Доктор на челноке переправился на берег. Чадов подобрал щуку и пошел ему навстречу. Рядом, ни на шаг не отставая, плыл лебедь.

Увидев незнакомого человека, птица немного отстала, но, когда доктор вылез из челнока, она подплыла к самому берегу.

— Вы еще не видели? — спросил Чадов. — Это моя воспитанница Серафима.

Доктор разглядел лишенный бугра, черный с желтым клюв, толстую, коротковатую шею и спросил неуверенно:

— Это кликун?

Чадов кивнул.

— Тут на озере только кликуны и водятся, — сказал он. — Но она безголосая.

— Ручная, — сказал доктор, любуясь смело плавающей около них птицей.

Лебедь Серафима плавала вдоль берега, разрезая грудью воду.

— Отчего же она безголосая? — спросил доктор.

— Голос-то у нее есть, — улыбнулся Чадов, — но такой, что хоть уши закрывай. Видите, вас боится, — показал он на Серафиму, — не будь вас, она бы мне житья не дала.

— Давно она у вас? — спросил доктор.

— Четвертый год будет. — Чадов набрал в черный, прокопченный чайник воды и подвесил его над огнем.

Серафима подплыла к самому костру и, не вылезая из воды, замерла в неподвижности. Огни костра, отражаясь, мелькали у нее в глазах, и от этого глаза ее казались лукавыми и смеющимися.

— Почему вы ее назвали таким именем? — люблюсь птицей, спросил доктор.

— Жена у меня была Серафима, — просто сказал Чадов.

— Вы женаты?

— Был женат, скучно ей тут — жене. В лесу жить — привычку надо иметь, — глядя в лицо доктору, задумчиво сказал Чадов.

— Ну, а вы? Вам не скучно? — спросил доктор.

— Нет, не скучно. Я с самого начала тут, как заповедник сделали... В двадцать пятом году здесь одна только лебединая семья осталась. Остальных всех перебили. А вот летом, теперь, на каждом острове гнездо. А уток и другой птицы не сосчитать, — рассказывал Чадов, грея у огня ноги в высоких охотничьих сапогах.

— Не улетает она? — показал доктор на Серафиму.

— Не улетает. Отяжелела теперь. А прежде я ей крылья подрезал. Зимой этот залив не замерзает, ключик тут есть. Вот она здесь и плавает всю зиму.

— Мне бы жалко было ей крылья резать, — подумав, сознался доктор.

— Конечно жалко, — серьезно, без улыбки, глядя в глаза собеседнику, сказал Чадов. — Но должен же я ка-

кое-нибудь живое существо около себя иметь. Собаку и ту держать не могу, птиц беспокоит. Вот и приручил ее.

Начал закипать чайник. Чадов разлил по кружкам чай и, сидя у костра, рассказал доктору историю Серафимы.

* * *

Три года назад он привез с озера одинокого, отбившегося лебеденка. Лебеденок был мал, не больше кулака, покрыт серым пухом, сквозь который на крыльях уже проглядывали белые трубочки будущих маховых перьев.

Лебеденок, сжавшись в комок, сидел на дне челнока, опутанный сеткой, и казался бы мертвым, если бы не круглые, как дробины, блестящие глаза, полные напряжения и страха. Первые дни Чадов боялся, что лебеденок погибнет. Он отказывался от пищи и цепенел, когда видел человека.

Чадов обнес частой загородкой небольшой заливчик, поросший густым камышом, и пустил туда лебеденка.

Очутившись снова под открытым небом, лебеденок ожил. Через час, подкравшись к пленнику, Чадов увидел, что тот с жадностью вылавливает из воды кусочки хлеба и муравьиные яйца, брошенные в воду Чадовым. Увидев человека, лебеденок быстро юркнул в траву и притаился в ней. Чадов улыбнулся и отошел; теперь он знал, что лебеденок выживет.

Лебеденок привык не сразу. Первые дни он с утра до вечера плавал вдоль загородки, просовывал, голову в каждую щель, надеясь найти лазейку.

Чадов слышал не раз, что молодые лебеди легко привыкают к неволе. Но этот лебеденок упорно не хотел

привыкать. Чадов видел, как, устав от бесплодных поисков, он просовывал в щель голову и надолго замирал, тоскливо глядя на открытую воду.

Но постепенно лебеденок стал тратить меньше времени на поиски выхода из неволи и больше — на добывание корма.

И хотя Чадов, не скупясь, угощал его, лебеденок всегда был голоден. Он плавал по заливику и, глубоко опустив в воду уже длинную шею, обрывал под водой траву и рылся в иле, вылавливая червей и личинок.

Скоро, увидев Чадова, он уже не забивался в самую чащу камышей, а торопливо отплывал на несколько шагов и прятал туловище, голову же с блестящими, как бузинки, глазами он высовывал из камыша, чтобы не пропустить ничего, что делалось вокруг.

Один раз, когда лебеденок был уже больше кряковой утки, Чадов, набросав в воду корма, остался стоять рядом.

Лебеденок высунул из камыша голову и долго смотрел на него, поворачивая голову то в одну, то в другую сторону, словно не веря глазам. Он даже несколько раз пискнул, очевидно от возмущения, но Чадов стоял на том же месте, рядом с кормом, и не собирался уходить.

Лебеденка волновал и притягивал вид пищи, но человек мешал ему.

Лебеденок переводил взгляд с пищи на человека, с человека на пищу и не двигался.

Но постепенно пища все больше и больше влекла его к себе, и все меньше внимания он уделял человеку. Через несколько минут из камышей начала медленно показываться шея. Она тянулась так долго и медленно, что казалось — ей не будет конца. Потом вылезли плечи, уже сплошь покрытые частоколом из белых торчащих трубок, и, наконец, появился весь лебеденок.